

О. А. Матвейчев

профессор НИУ ВШЭ,
политический технолог и консультант, канд. филос. наук

ХРАМ И МИТИНГ. ТЕХНОЛОГИИ УЛИЧНЫХ ПРОТЕСТОВ НА ПРИМЕРЕ ЕКАТЕРИНБУРГА

Я хочу рассказать об уличных протестах на примере акций протеста против строительства кафедрального собора святой великомученицы Екатерины на территории сквера в центре Екатеринбурга, которые прошли в мае 2019 года. Рассказать о том, что там произошло, какие выводы и уроки из этого можно извлечь, как и кем всё это было технологически выстроено. Я знаю лично многих людей, которые оказались участниками этих событий, потому что в своё время я 11 лет прожил в Екатеринбурге: там я учился, там защищал диссертацию. Тогда же я и познакомился с участниками упомянутых событий. Это были мои коллеги — журналисты, политологи, чиновники (одно время я работал в штабе губернатора, поэтому знал и многих чиновников). Наверное, около 90% участников этих событий я знаю лично, и то, что я буду о них говорить (не называя многих имён), — это не какие-то наветы, а то, что я знаю абсолютно точно из личного опыта общения с ними.

Проблеме екатеринбургского храма уже много лет. Как только в 1990-е годы началось возвращение людей в Церковь и восстановление разрушенных в советское время храмов, в Екатеринбурге встал вопрос о главном городском храме, уничтоженном в 30-е годы XX века. До этого времени главным храмом города был храм Святой Екатерины. Он стоял на главной пло-

щади, которая сейчас называется площадью Труда, и был заложен при основании города в 1723 году, после чего простоял там 200 лет. Это был старейший храм области, одно из первых зданий Екатеринбурга. Конечно, столь значимый для города храм хотели восстановить с 1990-х годов, но сделать это по разным причинам не удавалось. Потом «Русская медная компания» и «Уральская горно-металлургическая компания» вызвались восстановить главный храм Екатеринбурга. Они готовы были строить его исключительно на собственные пожертвования. Местом, изначально выбранным для строительства, была площадь Труда, то есть то место, на котором храм располагался исторически. Сейчас на этой площади находится часовня и здания, в которых располагаются госучреждения. И если бы на то было желание и воля властей, они могли бы решить вопрос о восстановлении храма на этом месте, но этого не случилось.

Вскоре началась акция под названием «Фонтан вместо храма». Появились публикации и заявления отдельных общественных деятелей, что лучше построить на площади Труда красивый фонтан, нежели храм, и для поддержки этой позиции была создана специальная общественная организация. Тогда же прошли первые митинги против строительства храма. Это было ещё в 2007-2008 годах, и с помощью этих митингов активистам удалось повернуть ситуацию в свою сторону. Тогда власти приняли решение не портить сложившееся городское пространство и перенести храм на воду, построив его на насыпном острове. Пожалуй, это было бы красиво, и этот проект мог бы стать визитной карточкой Екатеринбурга, повысить его туристическую привлекательность. Но тут же возникло общественное движение «Пруд вместо храма». Активисты вставали у пруда в живые цепочки и всеми силами препятствовали тому, чтобы там

что-то было построено. Поднялась шумиха в прессе, начались митинги, демонстрации. Единственное, чего удалось тогда добиться от протестующих — это договориться о том, чтобы после проведения общественных слушаний по выбору нового места для храма протестующие согласились бы с мнением большинства и поддержали инициативу по строительству на этом месте. Их требования были приняты. Первый урок, который нужно извлекать всем, кто оказывается в подобной ситуации, — этим товарищам верить нельзя. Потому что следующим местом был выбран парк возле больницы, что и стало причиной тех протестов, о которых вся страна узнала в мае 2019 года. Активисты протестов забыли все свои обещания и по уже обкатанной схеме создали движение «Парк против храма».

Важная особенность таких историй заключается в том, что всегда, во время всех протестных событий, революций, май-данов, нужно руководствоваться принципом «ищите женщину» — искать человека из власти, из элиты, с деньгами, с организационными способностями, который за всеми этими протестами стоит. Самоорганизующихся протестов не бывает. В случае со строительством храма в парке большинство людей просто не узнали бы, что там строится, и всё это не получило бы никакого общественного резонанса. Фактически никакого парка там, где в Екатеринбурге хотели строить храм, нет, есть несколько деревьев, есть маленький пяточок земли, на котором, собственно, только храм и мог бы поместиться. Было организовано нигде не зарегистрированное общественное движение под названием «Парки и скверы Екатеринбурга». Неформальным лидером движения СМИ называли Анну Балтину¹ и её сестру Алёну Смыш-

¹ <https://66.ru/news/society/220803/>

ляеву². Строительная фирма «Атомстройкомплекс» (некоторые СМИ называют её близкой к предпринимателю В. Г. Тунгусову³) выдала им грант на экологическую акцию по подсчёту деревьев в городе. Подсчёт деревьев они начали именно с того сквера, где должны были построить храм. Насчитали 300 деревьев, которых в действительности там даже близко нет. После этого начались акции в ряде СМИ, которые и стали разогревать народ по поводу уничтожения парка. Повторюсь, как человек, проживший в Екатеринбурге 11 лет, я могу ответственно заявить, что это место — просто пустырь, который никогда не был любимым местом горожан, и на прогулки туда никто никогда не ходил.

Когда земля была выделена и все слушания прошли, власть должна была показать свою силу — закон должен исполняться. Всякий, кто выступает против законного решения постфактум, должен жёстко караться — за хулиганство и за организацию незаконных митингов и акций. Нам нужно ужесточать законы хотя бы до европейского уровня. В Европе за всевозможные незаконные акции и хулиганства штрафы значительно выше, чем у нас. Нам тоже нужно их поднимать — миллион рублей, полтора, два и так далее. Так, чтобы у организатора протестов, будь он каким угодно олигархом, просто не хватило бы денег заплатить штрафы за 20, 30, 50 человек. Заплатить за каждого по 2-3 миллиона — это существенно для любого, особенно если сделать это придётся два-три раза. Пусть эти деньги пойдут в бюджет города. И, конечно, нужно принимать новые антифейковые законы. Не нужно устанавливать технические ограничения, потому что любые ограничения такого рода всег-

² <https://ura.news/news/1052431513>

³ <https://ebug.mk.ru/politics/2018/09/12/imperiya-tungusova-kak-stroilsya-biznes-khozyaina-ekaterinburga-i-ego-okruzeniya.html>

да можно обойти, нужно контролировать именно контент. Законом должны быть запрещены к показу определённые сюжеты, в том числе призывы к незаконным действиям. Журналист должен иметь своего рода этику. Положим, ему сообщили о каком-то протесте. Он уточняет эту информацию и узнаёт, что это за протест. Например, выясняется, что это протест против строительства храма, но само строительство законно, а те, кто протестуют, соответственно, закон нарушают. Тогда и при освещении этого события он должен учитывать, что протест незаконный, а стройка законна. Озвучивание прямо противоположной информации (особенно умышленное) должно предполагать некие штрафные санкции для журналиста и редакции, вплоть до лишения лицензии на вещание.

Одним из наиболее активных СМИ, участвовавших в кампании «за парк», был портал «E1.ru» (Екатеринбург онлайн), самый популярный портал Екатеринбурга, принадлежащий медиахолдингу «Хёрст Шкулёв Групп»⁴. Виктор Михайлович Шкулёв — предприниматель, который ещё в 1990-е годы организовал сначала в Челябинске, а потом и в других городах России городские порталы, на которых обсуждались всевозможные городские новости. Со временем они превратились в информационную сеть, распространившую своё влияние на многие регионы страны. Шкулёв вошёл в партнёрство с известной американской медийной организацией «Хёрст» (*англ.* Hearst). Сейчас этот холдинг⁵, по сути российско-американский, контролирует огромное количество интернет-порталов в России: несколько различных интернет-изданий и печатных журналов, 67 регио-

⁴ <http://www.hearst-shkulev-media.ru/projects/site/sgp/>

⁵ https://ru.wikipedia.org/wiki/Хёрст_Шкулёв_Медиа

нальных представительств⁶. Сила их велика, и если они создают информационную шумиху, она выходит далеко за пределы одного города. Если бы только в Екатеринбурге писали про события, связанные со строительством храма, это дело не получило бы такого размаха, но когда об этом стали писать по всей стране, в том числе в Москве, у многих возникло ощущение, что весь «Фейсбук», все «Одноклассники» и прочие социальные сети «гудят», что это событие федерального масштаба. Ринат Низамов, руководитель портала «E1.ru» по факту оказался одним из ньюсмейкеров по теме храма⁷.

Следует также сказать, что российский закон об иностранных агентах не запрещает СМИ с иностранным капиталом вести деятельность на территории России. Он всего лишь заставляет их регистрироваться как иностранных агентов. В Госдуме обсуждался закон о том, чтобы иностранцы могли владеть не более чем 25% акций того или иного СМИ. Но, кажется, этот закон так и остался где-то в стадии обсуждения.

Иностранные СМИ имеют возможность вмешиваться в нашу внутривнутриполитическую повестку. Не все знают, насколько влиятельны эти иностранные агенты на территории России. Большое число частных местных телеканалов, даже не имея в числе владельцев иностранцев, тем не менее, от них зависят. Мне доподлинно известно, что одному местному телеканалу в городе Туле американцы предложили помощь в виде выгодного кредита на покупку техники. Руководство канала взяло этот кредит и закупило на него необходимую технику. Через некоторое время от американцев поступили пожелания о том, как следует освещать какие-то митинги, причём в Москве, а не

⁶ <http://www.hearst-shkulev-media.ru/about/history/>

⁷ https://www.e1.ru/news/spool/news_id-66047806.html

в Туле. Директор канала возразил, что вообще-то это новости московские, и в этих митингах участвуют националисты, которых они принципиально не показывают. Кстати, это нужно отметить особо: американцы хотели, чтобы канал показывал русских националистов, и не надо думать, что американцы поддерживают только либералов. Они выступают за любые силы, которые стремятся дестабилизировать власть. Им не важно, на какой бок перевернётся лодка — на левый или на правый, либеральный или националистический. В данном случае они требовали показать сюжет про «Русский марш». Директор сказал, что он этого делать не будет, и вскоре после этого ему пришло требование вернуть деньги по договору. Оказалось, что где-то на 35-й странице договора из его 70-ти страниц был пункт о возможности его досрочного расторжения, при котором канал будет обязан вернуть деньги. В результате телеканал разорился. Практически во всех регионах страны, где есть частное телевидение, американцы предлагают свои кредиты. Таким образом, иностранцы могут формально не входить в число владельцев СМИ, но оказывать влияние на его редакционную политику, тем самым обходя закон об иноагентах. И если бы закон об ограничении доли иностранной собственности в СМИ был принят, всё равно остались бы схемы, позволяющие этот закон обходить.

Поэтому, чтобы ограничивать зарубежную пропаганду, нужно вводить требования не только к владельцам, но и к эфиру. Только в этом случае можно не бояться подкупа каналов. Например, можно законодательно установить требование, запрещающее показ любых массовых собраний без официального акта или комментария ответственных лиц. Должны быть утверждены основные принципы, регулирующие редакционную политику СМИ, например, запрет на показ трупов, детей, терро-

ристов во время терактов, чтобы не мешать следственным органам. Не надо думать, что это какие-то драконовские меры, это всего лишь основы информационной безопасности общества.

После воссоединения Крыма с Россией, против нас, как известно, были введены санкции, и было сказано, что мы дорого за это заплатим. Затем произошло резкое усиление информационного давления на нашу страну. Крупные СМИ Болгарии, Швеции, Дании, Прибалтики теперь регулярно публикуют в своих новостях различные фейки: то русская подводная лодка к ним заплыла, то военный самолет залетел, то арестовали русских шпионов, то ещё что-то. Словно крутят барабан и вытаскивают из него бумажки с однотипными текстами о новых провокациях и угрозах со стороны России. То есть задача зарубежных информантств — всё время находить какие-то негативные информационные поводы для демонизации России. На территории Прибалтики и Украины были созданы целые подразделения для ведения информационной войны с Россией. Они управляют десятками тысяч аккаунтов, которые распространяют в интернете всевозможные небылицы о России, прогревают информационный фон. На моем Youtube-канале есть большая лекция, состоящая из четырёх частей, посвящённая рассмотрению этого вопроса на примере информационной работы США на территории Украины⁸. Там очень подробно и с приведением конкретных имён описывается, что они делают и как, какое воздействие оказывают. Захватив Украину, США приобрели огромный плацдарм русскоязычных людей, которые в нашем интернете, замаскированные под наших пользователей, распространяют невероятное число фейков.

⁸ https://www.youtube.com/watch?v=dBv_HjBcclK

Стоит остановиться подробнее на областях, в которых зарубежные СМИ продолжают против нас работать. Первое большое направление — это традиционно правозащита: ищутся люди, пострадавшие от полицейского и судебного произвола, мониторятся происшествия в армии на случай, если там кто-то пострадает. Будут также искать любые информационные поводы против Церкви. Совершенно точно будет использоваться экологическая тема, например митинги против мусорных полигонов, «мусорная реформа». Второе большое направление — это антикоррупционная риторика. Почти всё, что касается так называемой борьбы с коррупцией, в медийном пространстве инициировано ими. Эта тема была раскрыта мной в книге «Мифы о коррупции» (2018 г., издательство «Книжный мир»). До 50–60% фейков и ложной информации, вбрасываемой в наше информационное пространство из-за рубежа, связаны с коррупционной темой. И третье направление их работы — разыгрывание националистической карты. Причём не важно, какой это будет национализм, они будут поддерживать любой: русский, кавказский, татарский. Любые поводы, которые сталкивают людей между собой, всегда будут поддерживаться из-за рубежа.

Сейчас всё это нацелено на выборы в Госдуму 2021 года и далее — на президентские выборы 2024 года. Недавно была репетиция на выборах в Мосгордуму, летом 2019 года мы это видели. Некую силу нам показали, отработали определённые технологии. Следующие значимые для страны выборы будут в Госдуму.

Борьба с политическими фейками затруднена тем, что значительная их часть распространяется через социальные сети, зарегистрированные за рубежом, в большинстве случаев — в США. Например, есть подозрение, что «Фейсбук» кос-

венно поддерживает сторонников Навального. Их агитация не получает там ярлыка «на правах рекламы», а получает приоритет. Многие пользователи «Фейсбука» жалуются на то, что им в ленту попадает подобный политический контент. Вчера я сам увидел в ленте один политический фейк и решил посмотреть, откуда он взялся. Смотрю: автора этого сообщения у меня в друзьях нет. Спрашивается, каким образом это оказалось у меня в ленте? Представляется, что это происходит не случайно.

Естественно, о запрете «Фейсбука» в стране речь не идёт. Однако можно требовать, чтобы нормы, связанные с контентом в «Фейсбуке», были одинаковыми для всех. Известно, что если в «Фейсбуке» человек напишет слово «хохол», его аккаунт заблокируют в кратчайшие сроки. Но если «Фейсбук» может модерировать весь контент на предмет употребления одного слова, то он может модерировать русскоязычный сегмент так, чтобы он соответствовал нормам нашего законодательства. Пусть он модерировать все прямые оскорбления России, президента, гимна и флага.

Вернёмся к протестам в Екатеринбурге. Строительство храма в Екатеринбурге было изначально абсолютно законным, потому что в январе 2019 года прошли общественные слушания, в которых приняли участие более трёх тысяч человек; всё это было зафиксировано, и большинство участников высказалось за строительство храма. После этого были выданы все необходимые документы на строительство, огорожена строительная площадка. Но некоторые региональные СМИ стали готовить видеоролики и статьи, в которых продвигали идею о том, что храм строится якобы незаконно. Когда люди начали громить ограждения стройплощадки, они были уверены в том, что они, горожане, восстанавливают справедливость, очищают от незакон-

ных ограждений городское парковое пространство. Как только 12 мая по призыву отдельных активистов митингующие стали сносить ограждения, это стали тиражировать во всех Telegram-каналах. Информационное поле было полностью подготовлено, и когда информационные агентства рассказали о том, что было снесено первое ограждение, на стройплощадку сразу же пришли сотни людей, которые начали это поддерживать. Все эти сотни людей были организованы. Почти сразу к организации протестов присоединились сторонники Навального, блогеры-активисты. Как выяснилось позже, трансфер в Екатеринбург и обратно сотен людей из Петербурга, Москвы, Челябинска для участия в протестах оплачивался. Также оплачивались мобильные кофейни, пиццы, которые приносились протестующим. Ни о каком мифическом народном энтузиазме, о том, что люди сами туда пришли и кто-то по доброте душевной покупал для них пиццу и кофе, говорить не приходится.

Как только люди стали сносить ограду, в сквер, естественно, подтянулась полиция, но она ничего не делала, чтобы воспрепятствовать противоправным действиям. Это было тут же использовано в репортажах некоторых местных СМИ для обоснования законности действий погромщиков. Говорилось, что если бы они делали что-то незаконное, то полиция бы вмешалась, но раз полиция не вмешивается, значит, незаконно само строительство храма, и борьба с этим строительством оправданна. Это позволило большому числу людей почувствовать свою правоту и безнаказанность.

Сама по себе ситуация вопиющая: на глазах у полиции и Росгвардии совершаются противозаконные действия, а те не вмешиваются. Попытка усмирить людей тем, что ты не отвечаешь на их провокации и не вмешиваешься в происходящее, гу-

бительна, потому что протестующие при этом всё больше чувствуют свою силу и безнаказанность. Конечно, надо было пресекать всё это в самом начале, 12-го числа, когда в сквер пришли всего около двухсот человек, и не давать протесту разрастаться до пяти тысячных митингов. Переход от «мимимишных» действий к прямым столкновениям произошёл именно 12-го числа. До этого участники протестов демонстрировали дружелюбие и прикидывались слабыми. Это одна из майданных технологий («они же дети»): протестующие дарят полицейским цветы и призывают к «миру во всём мире». В парке они тоже обнимали деревья, вместе с ними приходила женщина в образе «матери-природы», которая была увешана венками, листьями, ветками. Всё это выглядело очень трогательно и мило на фоне чоповцев, громил, которые охраняли стройплощадку. Но все эти обнимания деревьев, вся эта история с так называемым мирным протестом моментально переросла в агрессивный протест, как только эти люди сломали ограждения, и увидели, что им за это ничего не будет. У них моментально появились и дымовые шашки, и файеры, и яйца, и помидоры, и газовые баллончики, которые пошли в ход против чоповцев, Росгвардии и сотрудников полиции.

Кстати, про эту женщину в образе «матери-природы»: она входит в группу известных сетевых активисток йога-движения. Эти йоги (а у них множество клубов в Екатеринбурге) подключились к протесту моментально. У каждого такого клуба есть свои чаты, это сетевая структура. И нужно понимать, что все их разговоры о том, что они занимаются здоровьем, что они просто растягиваются, на шпагат садятся, и в этом «нет никакого язычества», никакой религии, никакой политики, никакой идеологии, — не совсем соответствуют действительности. Как только перед ними встаёт этический вопрос «за кого

ты?», все они моментально оказываются против православия, и все их разговоры, что они «ни за какую религию» и «вне политики», куда-то уходят.

Здесь возникает много вопросов к местной власти и скорости их реакции на эти события. Не думаю, что сама Церковь могла здесь сыграть какую-то более активную роль. Ещё до начала всех этих событий проходил городской крестный ход. В нём приняли участие около 25 000 горожан. Конечно, эти люди тоже могли бы быть более активными, могли прийти и поддержать строительство храма. Но Церковь не занимается мобилизацией, тем более на митинги. Если бы священники стали призывать людей на митинг в защиту храма, это было бы расценено как провокация. Это был бы призыв к несанкционированному митингу. Чтобы всё было законно, нужно, чтобы какая-то организация сначала подала заявку, и администрация города её бы удовлетворила. Это займёт как минимум три дня. Тогда как все главные события произошли как раз за те же три дня, и никто даже не успел сориентироваться.

По призывам Telegram-каналов и некоторых городских порталов в сквер начала стекаться молодёжь. Свою роль сыграл и Ельцин-центр, поддержавший протестующих. Важным эпизодом противостояния стала акция «Ночь в музее», которую под давлением не отменили. В результате в эту ночь после посещения музеев молодёжь пришла на стройплощадку храма и устроила полный погром. Только тогда на площадку прибыл ОМОН для разгона погромщиков. Было задержано около семидесяти человек. Некоторые участники столкновений, как со стороны омовцев, так и со стороны протестующих, получили травмы.

Кроме того, в родительских чатах по всему городу (сейчас у каждой школы есть свой родительский чат) рассылались

специально подготовленные сообщения о том, что проходит акция в защиту парка, который хотят уничтожить, чтобы построить храм, что все неравнодушные должны прийти и поддержать эту акцию, потому что там «боевики, нанятые олигархами, избивают беззащитных детей». Так к акции подтянулись и некоторые взрослые люди. Стали включаться элементы майданных технологий: приходили люди с гитарами, певшие песни Цоя, какие-то современные рэперы, появилась женщина с контрабасом, которая стала играть, как во времена событий у Белого дома играл Ростропович. То есть быстро развернулось движение, которое должно было развлекать пришедшую толпу. Потом, когда силовики всё-таки со всем этим справились, было задержано в общей сложности до 150 человек, ключевых активистов из числа этой самой молодёжи. После этого часть людей разошлась и, наконец, состоялся диалог противоборствующих сторон.

Нужно сказать, что этот диалог был сильно запоздалым, и участие в нём приняли очень немногие люди. Единственным человеком, который долго и всерьёз общался со всеми, был священник Максим Миняйло. Он долгое время вёл споры со своими оппонентами, несмотря на оскорбления, несмотря на то, что спорить с разгорячённой толпой очень трудно. Тем не менее он вёл себя очень корректно и выдержал все нападки в свой адрес. Ни один из депутатов Городской думы Екатеринбурга, которая голосовала за передачу этого места под храм, не явился на встречу со своими избирателями и никакую разъяснительную работу не провёл. Вице-мэр и губернатор появились в сквере, но буквально на пять минут — сообщить о том, что будет создана некая комиссия, что между сторонами будет налажен диалог и так далее. В итоге о сложившейся ситуации доложили президенту Путину, который во время прямой линии сказал, что

нужно провести опрос населения и по его итогам решить, где строить храм. Если бы не вмешательство Путина, эта история длилась бы ещё долго, потому что ни на каких комиссиях враждебным сторонам договориться не удалось.

В итоге был проведён опрос среди местных жителей, были предложены различные варианты, и сейчас уже утверждено новое место для строительства. Думаю, что на этом всё закончится и храм всё-таки будет построен. Но новые поводы для недовольства будут возникать и впредь, и всё те же люди будут по ним оттаптываться, чтобы снова создать протест.

При возникновении подобных конфликтов у региональной власти может возникать мысль о том, что всё обойдётся. Но нужно помнить, что это не так. Не обойдётся. Напротив, любую ситуацию нужно рассматривать с позиции, предусматривающей худший сценарий. А худший сценарий — это как раз такая толпа, и часто, к сожалению, с какими-нибудь погибшими. Ещё хорошо, что в Екатеринбурге никого не убили, и обошлось без такой провокации. Многие информагентства разместили тогда фотографии, на которых был заснят ребёнок примерно шести лет, который вместе со взрослыми протестующими толкал ограждение. То есть там и дети были. А представьте, если бы тогда кто-нибудь из детей утонул в пруду или пострадал во время давки. Это подняло бы ещё тысяч двадцать людей, которые требовали бы уже найти убийц, наказать власть и так далее. Если многие местные СМИ находятся в руках оппозиции, то именно оппозиция навязала бы горожанам то восприятие случившегося, которое нужно им. Кто бы ни был виноват в случившемся, они сделали бы виноватой власть и сторонников строительства храма. Поэтому, если где-либо возникает конфликтная ситуация, не нужно ждать, что завтра всё кончится само собой,

нужно принимать меры. Организаторы протестов в любом случае будут стремиться довести ситуацию до худшего сценария по своей методичке.

Какие уроки нужно извлечь из этого? Все эти майданные технологии легко узнаются, все протесты организуются по одним и тем же рецептам. Прежде всего, по книге Джина Шарпа «От диктатуры к демократии». Все эти обнимания деревьев, прудов, живые цепочки, приковывания себя наручниками активно используются и в Сербии, и в Грузии, и в других странах. Если начались подобные акции, нужно понимать, что это неминуемо закончится массовыми выходами людей на улицу. Нужно понимать, что за всем этим стоят определённые люди, которые действуют по заранее разработанным схемам.

УДК 316. 75(470+671)
ББК 60. 0(2Рос)
Т37

Т37 **Тетради Русской экспертной школы № 5** : научное издание / Под ред. В. А. Щипкова. – Москва : Русская экспертная школа, 2020. – 104 с.

ISBN 978-5-6041154-3-5

Очередной выпуск Тетрадей Русской экспертной школы представляет читателям тезисы докладов, прозвучавших на семинаре Школы в г. Серпухове 25–26 ноября 2019 года. В этом выпуске затрагиваются следующие темы: современное российское законодательство о культуре, технологии уличных протестов против строительства храмов, негативные последствия закона о профилактике семейно-бытового насилия, неоязычество и регионализм как политические инструменты, происхождение и действие секулярных вызовов перед лицом Церкви.

веб-сайт: russian-expert.ru

электронная почта: mail@russian-expert.ru

ISBN 978-5-6041154-3-5

© Русская экспертная школа, 2020

© Щипков В. А., 2020

Содержание

В. В. Аристархов

Законодательство о культуре. Предмет спора и группы интересов 5

О. А. Матвейчев

Храм и митинг. Технологии уличных протестов на примере
Екатеринбурга 34

Э. Ю. Жгутова

Правоприменительная практика и негативные последствия закона
о профилактике семейно-бытового насилия 50

Игумен Виталий (Уткин Игорь Николаевич)

Этнофутуризм, неоязычество и регионализм как политические
инструменты 65

В. А. Щипков

Секулярный вызов церкви: происхождение, характер,
перспективы 87

Эксперты номера

Аристархов Владимир Владимирович

директор Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, в 2013–2018 гг. – первый заместитель министра культуры Российской Федерации

Жгутова Элина Юрьевна

член Общественной палаты РФ, руководитель «Общественного центра по защите традиционных семейных ценностей “Иван Чай”»

Игумен Виталий (Уткин)

секретарь Архиерейского совета Ивановской митрополии, секретарь Учёного совета Свято-Алексеевской Иваново-Вознесенской православной духовной семинарии, руководитель Миссионерского отдела Иваново-Вознесенской епархии

Матвейчев Олег Анатольевич

профессор НИУ ВШЭ, политический технолог и консультант, канд. филос. наук

Щипков Василий Александрович

директор Русской экспертной школы, доцент МГИМО МИД России, канд. филос. наук